Геополитика и экогеодинамика регионов.
Том 4 (14). Вып. 4. 2018 г. С. 53–65.

УДК 332.122
Безруков Л. А.[1]
Размахнина Ю. С.[2]

Теоретические основы исследования этничности и этнических процессов в общественной географии

[1] Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН
Российская Федерация, г. Иркутск
[2] ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Российская Федерация, г. Иркутск
e-mail: [1]*bezrukov@irigs.irk.ru*, [2]*juliarazm@gmail.com*

Аннотация. *Анализируются подходы к определению понятия этничность – примордиализм, конструктивизм и деятельностный подход. Дана характеристика трех основных направлений в области исследований этничности – этногеографии, этнодемографии и этнолингвистики, а также основных проблем и вопросов, связанных с этими областями знания. Представлено авторское определение этнической географии (этногеографии) как особого направления общественной географии.*

Ключевые слова: *этнос, этнические процессы, примордиализм, конструктивизм, деятельностный подход, этногеография, этнодемография, этнолингвистика.*

Введение

Особенности этносов и этнические процессы вызывают неподдельный интерес у современных исследователей в различных областях гуманитарных наук, в том числе в общественной географии. Подобная заинтересованность может быть обусловлена, например, такими событиями мирового масштаба, как референдумы независимости в Шотландии (2014 г.) и Каталонии (2017 г.) и др. В основе этих процессов лежит стремление к национальному самоопределению, которое опирается на осознание того или иного этноса в качестве независимой устойчивой общности, обладающей своей территорией, языком, индивидуальными особенностями культуры и т. д.

Однако несмотря на важную роль этничности в политической и повседневной жизни, разработки проблемы этносов и этнических процессов в отечественной общественной географии остаются относительно немногочисленными, отсутствует единство в определении ряда исходных понятий, в том числе базового понятия «этнос». В целом же этническая география (этногеография) как особое направление общественной географии все еще находится в стадии становления и расширения своей тематики. В связи с этим целью данной работы является рассмотрение теоретических основ изучения этносов и этнических процессов в общественной географии, прежде всего анализ применяемых подходов к определению понятия «этнос».

В рамках данной проблематики примечательна монография Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» и его учебное пособие по этнографии, где автор рассматривает этнос как специфичную общность, дает классификацию этносов и направлений их исследования [1; 2]. В. А. Тишков – представитель конструктивистского подхода, говорит об общем и различном в этнологии и

этнографии [3]. С. И. Брук указывает на место этнической географии в системе этнографических и географических наук [4]. Т. И. Герасименко дает детальную характеристику существующих подходов (примордиализм, конструктивизм и деятельностная парадигма) к понятию этнос. Кроме того, она подробно рассматривает этнос в его неразрывной связи с культурой, а также выделяет ряд основных и дополнительных признаков этнических групп [5]. В. И. Козлов и В. В. Покшишевский в статье «Этнография и география» предметно характеризуют две эти области научного знания и их точки соприкосновения [6]. Пожалуй, самым неоднозначным направлением этногеографической мысли является теория пассионарности Л. Н. Гумилева, в которой усиленной критике подвергаются два положения – о природе самого феномена пассионарности применительно к формированию этнических общностей и роли ландшафтов в судьбе этнических групп [7].

О значении территории как одного из основных признаков формирования этноса повествует В. И. Козлов в статье «Этнос и территория» [8]. В. В. Покшишевский указывает на тенденции в области численности и динамики национальностей СССР, а также на практическую сферу применения этих данных [9]. Д. Д. Богоявленский показывает распределение этносов России и указывает на допущенные просчеты в ходе кампании переписи [10]. С. Г. Сафронов указал на современные тенденции трансформации этнического состава населения России и обусловленные этим проблемы [11]. В завершение следует отметить работу М. Н. Губогло, в которой исследователь на примере СССР показывает феномен двуязычия на фоне пестрой этнической картины страны [12].

Материалы и методы

Будем рассматривать этнос как определенную исторически сложившуюся относительно устойчивую общность людей, объединяемую происхождением, единым языком, территорией проживания, индивидуальными особенностями хозяйства, культуры и менталитета. На данный момент в науке сложилось три подхода к определению этноса. Примордиалистский подход истолковывает этнос как историческую, культурную и географическую реальность. Данный подход в большей степени ориентируется на использование исторического метода. Постмодернистская парадигма (конструктивизм) претендует на создание собственной методологии или же стремится отказаться от устоявшейся понятийной базы, в нашем случае от понятия «этнос». Деятельностный подход, помимо перечисления группы признаков этноса, выявляет путем сравнения значимые характеристики этноса как категории общественной географии.

В рамках статьи внимание акцентируется на трех направлениях изучения этноса и этнических процессов – этногеографии, этнодемографии, этнолингвистики. Считаем, что этническая география призвана изучать, с одной стороны, обусловленность (детерминированность) социально-экономических и политических явлений, связей и процессов этническими процессами и факторами, с другой стороны, влияние географической среды (природной и общественной) на этносы и этнические процессы. Этногеография в процессе исследования этносов воссоздает такой теоретический инструментарий, который в дальнейшем можно использовать как основу практического изучения этнических групп и их территории проживания (составление этнических карт и метод районирования).

Главным методом этнодемографии является статический метод, причем основными источниками информации служат материалы переписей и анкетирования населения. Главными источниками информации этнолингвистики являются материалы этнографических, археологических, этнолингвистических и диалектологических атласов, тексты на родном языке этносов, диалектные и этимологические словари, словари разговорной речи.

Результаты и обсуждение

Как уже упоминалось выше, на данный момент отсутствует единое и исчерпывающее определение понятия «этнос». Тем не менее возможно проследить истоки появления этого термина. Так, Ю. В. Бромлей указывает на древнегреческое происхождение слова «этнос» (ἔθνος – народ) [1, с. 21]. Отсюда же берут свои корни два общеупотребимых названия науки об этносах – этнография и этнология. С. И. Брук пишет, что после приобретения во второй половине XIX – начале XX вв. этнографией статуса самостоятельной сферы знания, она «определилась как наука о происхождении, развитии и взаимодействии народов мира, об общих и особенных элементах их культуры и быта» [4, с. 7].

Стоит отметить, что в употреблении вышеуказанных наименований научной дисциплины имеются свои нюансы. Российский этнолог В. А. Тишков подчеркивает, что термин «этнология» в 1930-е годы перестал использоваться по идеологическим причинам, хотя то, что в Советском Союзе именовалось этнографией, во всем остальном мире было известно как этнология. Говоря о различных оттенках употребления данных терминов, В. А. Тишков отмечает: «Современная этнология отличается от этнографии тем, что первая обозначает научную дисциплину, а вторая – цеховую основу этой дисциплины (этнографический метод и форма нарратива)» [3].

Причиной же отсутствия единого и общепризнанного определения понятия «этнос» является существование нескольких подходов к трактовке данного концепта – примордиалистского (объективистского), постмодернистского (конструктивистского) и деятельностного. В отечественной литературе долгое время доминировала примордиалистская концепция, согласно которой этнос может быть определен с помощью трех основных компонентов – истории, культуры и географической среды. В рамках данного направления отчетливо выделяются две школы, главными представителями которых являются, с одной стороны, Ю. В. Бромлей, с другой – Л. Н. Гумилев.

Ю. В. Бромлеем была выдвинута дуалистическая теория этноса. Двойственность этой теории выражалась в существовании основополагающего базиса или ядра – так называемого этникоса и его этносоциального организма (условия формирования и существования этноса). Этникос состоит из следующих компонентов: этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая деятельность, этноним (самоназвание). Под этносоциальным организмом имеются в виду природные, географические (в том числе территориальные) условия, социально-экономические характеристики и государственно-правовые режимы тех или иных этносов. Проиллюстрировать двойственный характер концепции Ю. В. Бромлея можно на примере представителей русского этноса: все русские, проживающие в мире – это этникос, в то время как русские, находящиеся в пределах своего государства – России – представляют собой этносоциальный

организм. Единство этноса обеспечивается синхронными (в пространстве) и диахронными (во времени) информационными потоками [5, с. 179].

Оппонентом Ю. В. Бромлея выступает Л. Н. Гумилев со своим социобиологическим пониманием этноса. В его представлении этнос является замкнутой системой дискретного типа, люди, входящие в эту систему, обладают общими стереотипами поведения и отличительными признаками от представителей других систем и общностей. Единство этноса зачастую выражается в таком понятии, как комплиментарность, которое проявляется в чувстве симпатии или сопричастия к своему народу (положительная комплиментарность).

Однако комплиментарность может быть и со знаком минус, что выражается в известном противостоянии «мы – они». Но главное место в теории Л. Н. Гумилева отводится пассионарности, определяемой как способность человека абсорбировать энергию внешней среды (взаимодействие с биосферой) и выдавать ее в виде работы. В человеческих организмах степень пассионарности значительно варьируется: одни индивиды совершают поступки, которые способны изменить ход истории, в том числе привести к формированию национального самосознания и народного единства, другие же в большей мере принимают участие в решении насущных проблем их узкого коллектива – семьи, рода. Таким образом, пассионарность также может быть определена как стремление к преобразованию окружающей действительности. Несмотря на некоторую популярность данной теории в 1980-х годах, большинство ее положений не заслужили признания научного сообщества.

1970-е годы считаются переломным этапом в этнологической науке. Это десятилетие ознаменовано ослаблением позиций теории плавильного котла, что наблюдалось повсеместно как в странах США и Западной Европы, так и в СССР. Основной постулат этой теории сводился к преодолению этничности в ходе построения национальных государств. Ослабление позиций традиционной примордиалистской парадигмы привело к отрицанию существования этносов как географической, исторической и культурной объективной реальности [5, с. 179–180].

В русле критики примордиалистской теории выделяется конструктивистский подход, согласно которому этническое чувство не более чем интеллектуальный конструкт писателей, ученых и политиков. Поэтому рядом исследователей, например В. А. Тишковым, оспаривается существование этноса как объективной реальности.

В качестве последнего направления этнологической мысли необходимо отметить деятельностный подход, согласно которому этносом является интегративный, целостный субъект социальной деятельности. В рамках данного подхода этносами выступают самодостаточные коллективы, существующие независимо от исторических периодов и характерных для них общественно-экономических формаций [5, с. 180]. Кроме того, важным преимуществом этого подхода может служить разнообразие признаков, по которым может классифицироваться этнос, начиная от территории проживания и заканчивая особенностями национального характера. Данный подход является, пожалуй, самым молодым, но наиболее перспективным направлением в современной этнологии и междисциплинарных областях знания. Давая ему краткую характеристику, Т. И. Герасименко опирается на труды непосредственных

представителей деятельностного подхода – Ю. В. Ивановой, К. Х. Момджяна, Э. С. Маркаряна [5, с. 180].

По мнению упомянутых выше авторов, при изучении этноса как категории общественной географии необходимо учитывать специфику всех трех подходов, активно используя их преимущества и достоинства. Кроме того, анализ этносов и этнических процессов не будет носить комплексный характер при отсутствии включения в исследование возможностей междисциплинарных наук. Поэтому к характеристике того или иного этноса следует подходить комплексно, рассматривая не только такой типичный географический признак, как территория проживания этноса, но также его язык, социально-экономические условия, культурное наследие, национальный характер и т. д.

География и этнография контактируют между собой в изучении взаимодействия этноса и природной среды, типов расселения, а также по вопросам этнического картографирования [2]. Одним из ключевых понятий этнической географии является территория. Под территорией понимается не только сам ареал проживания того или иного этноса, но и присущие ему характеристики, такие как климат, тип и объекты природного ландшафта (тайга, тундра, горы, реки и т. д.).

Относительно степени влияния ландшафта на этнические процессы в научном сообществе преимущественно царит единодушие. В частности, В. И. Козлов и В. В. Покшишевский полагают, что природные условия накладывают свой отпечаток на материальную культуру и быт этносов (орудия труда, трудовые навыки и хозяйственную деятельность), однако не предопределяет их развитие или упадок [6, с. 9]. Разумеется, природа способна играть положительную или отрицательную роль в этнических процессах, но человек преобразует природу и использует ее в своих целях, поэтому природные условия влияют на этногенез лишь косвенным путем.

Точка же зрения Л. Н. Гумилева резко контрастирует с вышеуказанной позицией по данному вопросу. Он полагает, что этносы, которые не в состоянии приспособиться к имеющимся природным условиям, должны переселиться в более подходящий географический ландшафт или вымереть. Это положение, по его мнению, равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность [7].

Кроме того, некоторыми исследователями, например И. И. Потехиным, высказывается предположение, что общность территории проявляется только тогда, когда народ или нация населяют сплошную территорию, не разрезанную какими-либо естественными рубежами, которые препятствуют повседневному общению [8, с. 91]. В. И. Козлов подвергает критике данное предположение по причине того, что не до конца ясно, какой смысл вкладывается в понятие «повседневное общение». Например, это явление еще можно вообразить между жителями одной деревни, но уже затруднительно представить ситуацию, чтобы жители разных деревень имели возможность такого общения. Более того, в случае протяженных расстояний (например, между Рязанской и Иркутской областями) вышеуказанное представление противоречит здравому смыслу [8, с. 91].

Природные рубежи могут являться границами как между странами, так и в рамках одного государства, между его регионами [8, с. 92]. Например, граница между Республикой Бурятия и Иркутской областью проходит по озеру Байкал. Кроме того, природные рубежи-границы зачастую являются своеобразными этническими символами. В этом отношении пример озера Байкал как границы

между двумя вышеуказанными субъектами РФ вновь демонстрирует свою иллюстративность.

Традиционно выделяется три типа (способа) расселения этносов: анклавный, дисперсный и компактный. При анклавном способе расселения группы определенного этноса проживают на большом расстоянии друг от друга, а также в окружении иноэтнических и иноязычных групп. Под дисперсным типом населения имеется в виду проживание малых этносов на обширной территории (например, эвенки на территории Восточной Сибири). И, наконец, существование населенных пунктов, в рамках которых преобладает доля того или иного этноса, представляет собой компактный тип расселения.

Среди насущных проблем этнической географии традиционно выделяется классификация народов мира. Чаще всего этнические общности и народы разделяют по географическому основанию (по континентам, крупнейшим районам мира и странам). Так, например, Ю. В. Бромлей классифицировал этносы по месту проживания, выделяя народы СССР, Зарубежной Азии, Африки, Австралии и Океании, Америки и Зарубежной Европы.

Возможна еще одна классификация по географическому признаку. Часто можно услышать такие словосочетания, как народы Кавказа, Океании и пр. Однако в данном случае необходимо учитывать совпадение этнического признака и территории. Помимо разделения этносов по территории проживания возможно еще выделение этносов на основе антропологических признаков (цвет кожи, волос, форма черепа и т. д.), языка и пр. В данном случае выделение этих признаков может быть полезным на первичном этапе исследования, когда необходимо заложить теоретический фундамент исследования, который в последующем может быть воплощен в практическом аспекте – картографировании по тому или иному признаку.

Одним из перспективных аспектов исследования этнической географии является изучение макрорегионов. В рамках исследования таких территориальных единиц можно выявить ряд аспектов и проблем, таких как соотношение численности различных этнических групп, наличие национального принципа в административно-территориальном устройстве, влияние этнического фактора на социально-экономическое благосостояние и электоральные процессы, обучение на родном языке и т. д. Примером специфичного полиэтнического макрорегиона может служить Восточная Сибирь.

Уникальная этническая гетерогенность Восточной Сибири, рассматриваемой в составе республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области, способна усиливать меж- и внутрирегиональные социально-экономические диспропорции, действие центробежных сил и политический сепаратизм, что требует научного осмысления этнической проблематики и разработки взвешенной национальной политики страны и ее регионов. В макрорегионе Восточной Сибири преобладающими по численности населения являются русские – 79,7 %. Совокупный удельный вес четырех относительно крупных коренных народов (якуты, буряты, тувинцы и хакасы) составляет 14,0 %, коренных малочисленных народов Севера (эвенки, эвены, долганы, ненцы, сойоты, тувинцы-тоджинцы, шорцы, юкагиры, кеты, нганасаны, тофалары и др.) – всего лишь 0,8 %.

Примером выраженного влияния этнического фактора на политико-географические процессы могут служить проблемы и противоречия существования

иерархии разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий. Особенность Восточной Сибири заключается в том, что подавляющую часть ее территории – 73,9 % – занимают республики (Бурятия, Саха, Тыва и Хакасия) и муниципальные районы бывших автономных округов (Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский в Иркутской области, Агинский Бурятский в Забайкальском крае), сложившиеся на основе этнического принципа. В отдельных республиках представлены национальные муниципальные районы и национальные поселения, которые имеют значительную долю коренных малочисленных народов. С учетом официального перечня «мест традиционного проживания коренных малочисленных народов» в пределах Забайкальского и Красноярского краев и Иркутской области площадь этнических территорий еще более возрастает. Важно отметить, что все эти национальные единицы государственного и муниципального устройства и другие этнические территории имеют принципиально различный статус, что оказывает заметное влияние на электоральные процессы и элитогенез, образование на родном языке и сохранение национальной идентичности, межнациональные отношения и риски возникновения этнополитических конфликтов.

Этнический состав населения Восточной Сибири интересно сопоставить с аналогичным составом населения всей России. Для страны в целом наблюдается следующая картина распределения этнических групп: преобладающая доля принадлежит русскому этносу – 81 %, более 6 % занимают этнические группы стран СНГ (украинцы, белорусы и др.), около 8 % составляют этносы Поволжья и Урала (башкиры, татары, коми и т. д.), на народы Северного Кавказа приходится менее 3 %, наконец, самой малочисленной группой в этническом составе Российской Федерации является коренные малочисленные народы Севера – 0,6 % [10, с. 88]. При близкой доле русских в России в целом и Восточной Сибири для последней характерен меньший удельный вес этнических групп стран СНГ и одновременно больший удельный вес коренных народов.

С. Г. Сафронов указывает на три ключевых компонента при анализе территориальных сдвигов в составе этнического пространства России. Превалирующим компонентом является «русское мегаядро», контуры которого соответствуют границам сплошного территориального массива «русских» областей и краев. Также выделяются в качестве следующего компонента национальные регионы, сильно дифференцированные по весу в населении страны и доле титульных этносов. Кроме того, нельзя забывать и о существовании переходных контактных зон.

В последнем случае, подчеркивает С. Г. Сафронов, наряду с традиционными поясами на периферии русского мегаядра, своего рода «внешними» этноконтактными зонами, расширяются и внутренние» – крупные города с мозаичным этническим составом населения [11, с. 140]. Безусловно, что доля проживающих там этнических меньшинств не столь велика по сравнению с представителями титульной нации. Но представляют интерес связанные с этими небольшими «островками» иноэтничности явления, а именно конкуренция на рынке труда, ареалы сегререгированного расселения по этническому признаку и пр. При этом нет и однозначного ответа, что представляют собой этнические диаспоры в крупных городах – группы людей, объединенные объективно

существующими целями и потребностями или искусственно конструируемые и мобилизируемые элитами группы [11, с. 140].

Важным источником изучения этногеографических и этнодемографических процессов являются материалы переписей. Всего, начиная с 1897 г., в истории нашей страны было проведено 10 общегосударственных переписей. Последняя была в 2010 г., в текущем 2018 г. в октябре планируется проведение пробной переписи населения, а в 2020 г. – уже всероссийской.

Несмотря на то, что перепись является основным средством для изучения этнических процессов, полнота представляемых ее сведений не носит абсолютного характера. Как и любой статистический материал, она может содержать неточности и погрешности.

Первым источником неточности является неполный учет демографических событий. В рамках всей страны он незначителен, но в то же время при характеристике отдельных народов этот недочет может оказаться существенным упущением. Традиционно велик недоучет среди исламских народов (у чеченцев в 1960-е годы недоучитывалось до трети естественного прироста населения) [10, с. 89]. Для сельской местности также характерна неполная картина учета проживания этнических групп. Проблемы могут быть связаны с постоянно изменяющейся динамикой миграционных процессов, а именно сложностью учета прибывших, многие из которых оседают в стране пребывания в качестве незарегистрированных мигрантов.

Ко второй группе погрешностей относится тот факт, что в переписи указываются данные самоидентификации (самоопределения) респондента. Отсюда вытекает другая проблема, а именно этническая идентичность. Т. Г. Стефаненко дает следующее определение данного понятия: «Этнической идентичностью является результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и отделения от других этносов» [13].

В качестве примера развертывания этнического самосознания может служить сибирский регион, население которого представлено спектром коренных и малочисленных народов. Процесс формирования специфической локальной этнической идентичности в регионе может быть отнесен еще к началу XVII в. Огромную роль здесь сыграли контакты европейских переселенцев с коренным населением: из-за вольного освоения территории практически без государственного сопровождения переселенцы были вынуждены контактировать с местными жителями на равных основаниях без острых противоречий и масштабных конфликтов. Зачастую они перенимали друг у друга привычки, обменивались традициями и устройством быта. По словам этнографа А. Н. Пыпина, «Сибирь, колонизированная только русскими с самого начала, однако, стала приобретать особый склад административный и бытовой, который с течением времени все больше удалялся от обычного хода жизни в метрополии» [14].

Также в формировании этнической идентичности большая роль отводится межэтническим бракам. Например, данные ЗАГС за 1950–1970-е годы по отдельным регионам Западной Сибири показывали большую долю межэтнических браков, которая колебалась от 38 % до 73 % [33]. К началу 2000-х годов этот показатель снизился примерно до 20 %, но в 70 % опрошенных русских семей,

проживающих в Сибири, имеются близкие родственники другой национальности [15, с. 12].

Сибирский регион относится к зонам активных мэжэтнических контактов, поэтому у жителей региона с 1990-х годов зачастую возникали трудности с определением своей этнической идентичности. Социологическое исследование, проведенное этнографом М. А. Жигуновой, показало разнообразие мнений респондентов относительно их этнической принадлежности: «Не знаю, кто я, родители разной национальности», «Трудно сказать, много в нас разной крови намешано» и др. Более конкретные ответы респондентов свидетельствовали о наличии у них смешанной идентичности: «метис», «полукровка» и даже такой экзотической, как «православный потомок Чингисхана» и пр. [15, с. 12].

Наряду с наличием этнической идентичности имеется также отсутствие таковой. Это находит отображение в том, что в переписном листе пункт о национальной принадлежности не заполняется. По этому поводу С. Г. Сафронов добавляет, что «минимум неопределившихся там, где этническая идентичность принципиальна для комфортного проживания индивида, испытывающего давление окружающего социума, где сильны позиции традиционной культуры, в которой этническая идентичность – средство политической мобилизации населения, нацеленное на увеличение доли титульного этноса [11, с. 143]. В таком случае вероятность проявления ассимиляционных процессов значительно снижается.

И, наконец, имеют место быть ошибки, связанные с первичным получением данных и последующей обработкой информации. Почти повсеместно отмечались случаи заполнения переписных листов на основе материалов, имеющихся в органах власти, без личного общения с людьми [10, с. 89]. Также Д. Д. Богоявленский отмечает, что, «поскольку демография отдельных народов не считалась особенно важной, соответствующие данные почти не публиковались и не анализировались государственной статистикой, материалы отдельных территорий шли в итог без должного контроля, а общая сумма зачастую скрадывала необъяснимые скачки показателей по регионам» [10, с. 89].

Стоит также упомянуть этноязыковые аспекты этнических процессов, которые являются предметом изучения этнолингвистики. Одной из особенностей в этом отношении является рост двуязычия в современном мире. В качестве примера можно привести многонациональные государства с двумя и большим количеством официальных языков, такие как Швейцария, Бельгия, Индия, Пакистан и др. Данная ситуация хорошо отображена С. И. Бруком, который привел данные переписи СССР 1970 г. Согласно переписи, 52,2 млн чел., или 21,6% всего населения страны свободно владели вторым иностранным языком; доля двуязычия среди нерусских народов составила 42,7 % [4, с. 27].

М. Н. Губогло подчеркивает, что степень овладения вторым языком и масштабы распространения двуязычия у различных народов СССР в первые годы существования государства были различными. Среди народов, владеющих русским языком и проживающих в основном в своих союзных и автономных республиках, выделялись белорусы, украинцы, мордва, карелы, удмурты и марийцы. Наименьшая доля лиц, усвоившая русский язык, была у городских таджиков, узбеков, туркмен и т. д. Уровень владения русским языком был еще хуже в сельских окраинах. Так, например, из 830 тыс. сельских таджиков только для двух русский язык стал родным языком, а из 3,2 млн узбеков – только для 39 чел. [12, с. 295].

Помимо двуязычия также весьма часты случаи, когда несколько народов говорят на одном и том же языке. Например, английским (с небольшими местными различиями) владеют жители Великобритании, США, Канады и др. В таком случае общность языка не может служить основополагающим признаком для анализа того или иного этноса, поэтому необходимо руководствоваться другими характеристиками этнических общностей, например, этническим самосознанием.

В завершение необходимо затронуть проблему образования на родном языке. Например, политику Советского Союза применительно к этой сфере можно разделить на три этапа: 1) период активной поддержки и развития языков народов государства (1920–1930-е годы); 2) период активной русификации и ассимиляции (1930-е – середина 1980-х годов); 3) возврат к политике поддержки коренных и малых народов и их языков (с конца 1980-х годов и до распада СССР).

Советскими специалистами была проделана большая работа по созданию письменности для пятидесяти языков, в том числе таких восточносибирских языков, как якутский, эвенкийский, эвенский. Для организации обучения коренных и малых народностей был учрежден Совет по делам просвещения национальных меньшинств, также была начата работа по подготовке учителей для национальных школ, созданию учебников и т. д. К концу 1920-х годов государству удалось создать сеть детских дошкольных учреждений, кочевых школ для детей и взрослых, подготовительных классов и отделений, появились передвижные и стационарные библиотеки.

В 1930-е годы советским руководством был взят курс на русификацию, что выражалось в принятом постановлении о постепенном переводе обучения на русский язык. Также было прекращено использование латинизированной формы алфавита для языков коренных малочисленных народностей и постепенно начался процесс перехода на кириллицу.

К последнему десятилетию существования Советского Союза сократилось число полноценных носителей языка коренных малочисленных народностей. Те из них, кто родился в 1950–1970-е годы, могли, как правило, понимать обращенную к ним речь, но сами испытывали затруднения в выражении своих мыслей и чувств, зачастую владея лишь знанием примитивных фраз и выражений. Закономерно, что их дети, появившееся на свет в 1980-х годах и позднее, владеют своим родным языком еще хуже, нежели предшествующие поколения.

Утрата родного языка была особенно актуальна для малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. В качестве примера можно привести тофаларов, проживающих, преимущественно, в Нижнеудинском районе Иркутской области. Согласно переписи населения РСФСР 1989 г., их общая численность составляла 722 чел.: из них 309 владели тофаларским языком и считали его родным, 401 – в качестве родного языка признавали русский, 12 – другие языки [16, с. 50].

В то же время этап перестройки (1985–1991 гг.) в СССР были отмечен ростом самосознания коренных народов. В этот период появляются многочисленные этнические региональные организации, деятельность которых нашла поддержку среди местных властей. В 1990 г. по результатам первого съезда коренных малочисленных народов Севера СССР была создана Ассоциация, в рамках которой были объединены почти все коренные малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока. Данное объединение было создано в целях защиты прав и интересов этих народов, одной из главных задач Ассоциации являлась поддержка национальных языков и традиционной культуры. Некоторые поставленные задачи

вышеуказанной организации действительно удалось реализовать: например, наблюдался значительный прогресс в отношении преподавания и изучения языков [17, с. 377]. Особенно это было характерно для Красноярского и Хабаровского краев, Тюменской области и некоторых других регионов РСФСР, где количество изучавших родные языки выросло в 2–3 раза [16, с. 54]. После распада СССР проблема сохранения языкового наследия этносов остается по-прежнему актуальной.

Выводы

Исследование этносов и этнических процессов является одним из наиболее перспективных направлений в общественной географии, поскольку до сих пор сохраняется соответствующий спектр проблем и вопросов, вызывающих повышенный интерес исследователей. В рамках данной статьи нами были проанализированы проблемы формирования понятийного аппарата концепта этнос, рассмотрены три направления этнических исследований – этническая география, этнодемография и этнолингвистика. В области формирования понятийного аппарата может быть выделено три подхода: примордиализм, конструктивизм и деятельностный подход. Каждый из них имеет свои преимущества, поэтому ни один из них не может быть отброшен за ненадобностью. Тем не менее деятельностный подход, рассматривающий этносы вне зависимости от общественно-экономических формаций, представляется наиболее перспективным направлением изучения этносов и этнических процессов.

В рамках этнической географии сохраняют свои позиции региональные исследования. На примере макрорегиона Восточной Сибири показаны основные проблемы и противоречия существования иерархии разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий. Рассмотрены погрешности и недочеты материалов переписей как основного средства изучения этнических процессов. Внимание акцентировано на проблеме этнической самоидентификации (идентичности) или отсутствии таковой, что показано на примере Восточной Сибири. Освещены этнолингвистические аспекты этногеографических исследований, в рамках которых раскрыт ряд современных тенденций – рост двуязычия в современном мире, владение в качестве родного языка большой общностью людей и т. д. Кратко перечислены вехи советской языковой политики.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 285 с.
2. Этнография. Учебник под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова М.: Высшая школа, 1982. 320 с.
3. Валерий Тишков. Институт этнологии и антропологии РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www.valerytishkov.ru / cntnt / main_4.html?cons848_page=4.
4. Брук С. И. Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978. 164 с.
5. Герасименко Т. И. «Этнос» и «культура»: трактовка понятий и подходы к изучению // Вестник Оренбургского университета. 2015. № 6 (181). С. 178–184.

6. Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география // Советская этнография. 1973. № 1. С. 3–13.
7. Гумилев Л. Н. Этногез и этносфера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article84a.htm.
8. Козлов В. И. Этнос и территория // Советская этнография. 1971. № 6. С. 89–100.
9. Покшишевский В. В. География населения СССР. М.: Просвещение, 1971. 174 с.
10. Богоявленский Д. Д. Этнический состав населения России // Этносоциология. 2001. С. 88–93.
11. Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.
12. Губогло М. Н. Взаимодействие языков народов СССР и развитие двуязычия [Сб. ст.]. М.: Наука, 1977. С. 294–316.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология [Электронный ресурс]. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с. Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/3/0371/3_0371-197.shtml.
14. Бороноев А. О. Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона [Сб. статей] // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: материалы Всероссийской науч. конф. 5–7 мая, 2006 г. Улан-Удэ, 2006. С. 7–22.
15. Жигунова М. Разные, но мы вместе // Эксперт-Сибирь. 2011. № 50. С. 11–13.
16. Арефьев А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.
17. Размахнина Ю. С. Советская политика в отношении коренных этносов (на примере субъектов Сибири и Дальнего Востока [Сб. ст.] // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской науч. конф, 25 апр., 2018 г. Иркутск, 2018. С. 369–378.

Bezrukov L. A.[1]
Razmakhnina Yu. S [2]

Ethnicity research of theoretical bases' and ethnic process in public geography

[1] V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Russian Federation, Irkutsk
[2] Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk
e-mail: [1]*bezrukov@irigs.irk.ru,* [2]*juliarazm@gmail.com*

Abstract. *Approaches to the definition of the concept of ethnicity - primordialism, constructivism and activity approach are analyzed. The characteristic of three main directions in the field of studies of ethnicity - ethnogeography, ethnodemography and ethnolinguistics, as well as the main problems and issues related to these fields of knowledge is given. The author's definition of ethnic geography (ethnogeography) as a special direction of social geography is presented.*

Key words: *ethnos, ethnic processes, primordialism, constructivism, activity approach, ethnogeography, ethnodemography, ethnolinguistics*

References

1. Bromlei Yu. V. Etnos i geographia. M.: Nauka, 1973. 285 s. (in Russian)
2. Etnographia. Uchebnik pod redaktsiei Yu. V. Bromleya i G. E. Markova. M.:Vyashaya Shkola, 1982. 320 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://socioline.ru/pages/etnografiya-uchebnik-pod-red-yuv-bromleya-i-ge-markova (in Russian)
3. Valery Tishkov. Institut entnologii i antropologii RAN [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/main_4.html?cons848_page=4 (in Russian)
4. Bruk S. I. Problemy etnicheskoi geographii i kartographii. M.: Nauka, 1978. 164 S. (in Russian)
5. Gerasimenko T. I. “Etnos” i “kultura”: traktovka ponyatii i podhody k izucheniyu // Vestnik Orenburgskogo universiteta. 2015. № 6 (181). S. 178–184. (in Russian)
6. Kozlov V. I., Pokshishevsky V. V. Etnographia i geographia // Sovetskaya etnographia. 1973. № 1. S. 3–13. (in Russian)
7. Gumilev N. N. Etnogenes i etnosphera [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article84a.htm. (in Russian).
8. Kozlov V. I. Ethos i geographia // Sovetskaya etnographia. 1971. № 6. S. 89–100. (in Russian)
9. Pokshihevsky Geographia naselenia SSSR. M.: Prosveshenie, 1971. 174 s. (in Russian)
10. Bogoyavlensky D. D. Etnicheskii sostav naselenia Rossii // Ethnocotsiologia. 2001. S. 88–93. (in Russian)
11. Saphronov S. G. Sovremenny tendentsii transformatsii etnicheskogo sostava naselenia Rossii // Baltiskii region. № 3 (25). S. 138–153. (in Russian)
12. Guboglo M. N. Vzaimodestvie yazykov narodov SSSR i razvitie dvyazychia [Sb. st.]. M.: Nauka, 1977. S. 294–316. (in Russian)
13. Stephanenko T. G. Etnopsihologia [Elektronnyj resurs]. - M.: Institut psikhologii RAN, “Akademicheskii proekt”, 1999. 320 s. Rezhim dostupa: http://pedlib.ru/Books/3/0371/3_0371-197.shtml (in Russian)
14. Boronoev A. O. Territorialnaya mentalnost’ i problemy sociokulturnogo razvitia regiona [Sb. st] // Sibirskaya mentalnost’ I problemy sociokulturnogo razvitia regiona: materialy Vseros. nauch. konf, 5–7 maya, 2006 g. Ulan-Udae, 2006. S. 7–22 (in Russian)
15. Zhigunova M. Raznye, no vmeste // Ekspert Sibir’. 2011. № 50. S. 11–13. (in Russian)
16. Arefiev A. L. Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: istoria i sovremennost’. M.: Tsenter socialnogo prognozirovania i marketinga, 2014. 488 s. (in Russian).
17. Razmakhnina Y. S. Sovetskaya politika v otnoshenii korennykh etnosov (na primere sybektov Sibiri i Dalnego Vostoka) // Sibir’ v izmenyayushemsya mire. Istoria i sovremenost’: materialy Vseross. nauch. conf., 25 apl., 2018 g. Irkutsk, 2018. S. 369–378. (in Russian).

Поступила в редакцию 2.06.2018 г.